

Звук трущейся о ткань ткани коснулся моего слуха - единственное, что нарушало тишину в этой комнате.

Я поднял голову, натянув на лицо маску безразличия. Ёхан лежал рядом, как и всегда, подперев щеку ладонью, и смотрел на меня с той ленивой настойчивостью, от которой хотелось то ли сбежать, то ли ударить. Его взгляд скользил по мне, выискивая слабые места, он всегда так делал.

— На что уставился?

— На записку о досрочном уходе.

Мои губы выкинули ложь так же естественно, как дышат. Я скомкал бумажный клочок, и без того крошечный, и спрятал поглубже в карман. На случай, если Ёхану вздумается проверить. Он любил проверять. Всё. Всегда.

— Что-то ты слишком пристально её разглядываешь.

— А нельзя, что ли?

Я сказал, что должен был, но так и не смог встретиться с ним взглядом. Вместо этого я уставился на его школьную форму, спутанную с моим одеялом, казалось, она впитала его запах, его присутствие. Лицо Ёхана было сыром, приманкой, к которой я, как глупая мышь, снова возвращался.

Мне нужно было лишь, чтобы он поверил в этот спектакль.

— Джун, во что мы играем?

— Играем? Я готовлюсь к экзаменам.

— Час тебя не убьёт.

— Вступительные экзамены уже скоро...

— Ты в последнее время избегаешь меня.

К счастью, его интерес был прикован к моим словам, а не к хитрости, притаившейся в кармане. Хотя я всё равно напрягся - эти длинные ноги могли в два счёта сократить расстояние, сунуть руку мне в карман и выхватить скомканную бумагу, даже не запыхавшись.

Его ноги, вытянутые с кровати, лениво покачивались в воздухе, длинные, худые, чуть касались пола кончиками пальцев. Я смотрел на это движение, не потому что оно было важно, а просто не мог смотреть ему в глаза. В них всегда было слишком много правды, которую я не хотел признавать.

— ...Ты такой мелочный.

Цок. Ёхан щёлкнул языком, и этот звук прозвучал как приговор. У него была странная способность притягивать внимание, даже когда он не старался. Вот и сейчас я вздрогнул и сам того не желая уставился на него.

— Джун, мне скучно.

Уголок его губ дрогнул в насмешливой улыбке, и я увидел острый клык, сверкнувший в полумраке.

— Я говорю, мне скучно.

Чётки на его запястье качнулись, когда он поудобнее устроил голову на ладони. Я снова поднял голову, как натренированный пёс, и наткнулся на его взгляд. Пустой, холодный, но от него становилось не по себе. Он пригвоздил меня к месту, даже не прикоснувшись.

— ...Ладно. Один час.

Просто уйди. Оставь меня одного. Пожалуйста.

Но я промолчал. Проглотил обиду и сдался, как делал это всегда.

Вечные весы: либо ты держишь Ёхана рядом и сохраняешь спокойствие в школе, либо отпускаешь его и обретаешь душевное равновесие. Весы качнулись не в мою сторону, как всегда.

— ...Мне немного неловко.

— Из-за чего?

— Что я вечно тебя отвлекаю.

Ах ты подлец. Ругательство обожгло горло, но я прикусил язык и улыбнулся. Просто улыбнись. Задуши обиду холодной головой.

— Всё нормально. Мне... мне тоже весело с тобой.

Слова дались с трудом. Я поднял руку и прикрыл лицо, делая вид, что смущён. Только бы он не заметил, как тяжело мне выдавливать эту фальшь.

Говорить, что с Ёханом весело, было правдой. Но при этом не правдой вовсе.

Я никогда не думал, что узнаю вкус иронии до двадцати, но вот он, горький и липкий, оседал на языке каждый раз, когда мы были рядом.

Ёхан же видел всё иначе.

— Ты милый, когда смущаешься.

Я поперхнулся воздухом. Ёхан фыркнул, откидываясь на мою постель и поворачивая голову к стене. Его волосы разметались по подушке, одна прядка упала на шею. И глядя на его затылок, я думал только об одном.

Какой же ты подлец.

После истории с Хон Хвиджуном родители звонили мне каждый день. Видеозвонки, в которых они рассматривали не только моё лицо, но и руки, ноги, выискивали синяки, которых не было. Их вердикт был неизменен.

— Это зависть, сынок. Ты слишком талантливый. Эти дети просто идиоты, они совершают ошибки. Вместо того чтобы причинять тебе боль, они должны стараться быть на твоём уровне. Неудачники. Если что-то случится звони сразу же. Не молчи. Мы волнуемся, потому что ты слишком хорош для этого мира, понял? Ты наш идеальный мальчик.

— Я сразу позвоню, обещаю. И... я буду осторожнее. Не волнуйтесь слишком сильно.

Я врал им в лицо с улыбкой на губах. Как только экран погас, как только маска слетела, я ушёл в ванную и долго стоял под водой, пока пальцы не сморщились, а кожа не начала зудеть от горячей воды. Это раздражало. Я яростно закрыл кран и вытерся полотенцем, натягивая пижаму.

В спальне горел яркий свет, выхватывая из темноты следы Ёхана: скомканные простыни, его телефон на столе. Я смотрел на них, переводя взгляд с кровати на экран.

А потом, не думая, наклонился и уткнулся лицом в подушку. Вдохнул глубоко, жадно.

Ткань пахла кондиционером и чем-то ещё, холодным, чужим. Резкий, чистый запах, который впился в горло, как зимний воздух, морозный, обжигающий, заполняющий лёгкие до боли. Холодный. Должен быть холодным.

Так почему же от него так жарко?

— ...Хаа.

Выдох вырвался с хрипом. Я втянул в себя этот запах до дна, до последней молекулы, и только когда в простынях не осталось ни следа Ёхана, поднял голову. Дрожащими пальцами разгладил одеяло и взял его телефон. Треснувший экран отражал моё лицо.

Номер всплыл в голове сам собой, как инстинкт. Шин Джэхен.

Я закусил губу изнутри и разблокировал экран. Проллистал пустые сообщения, туда-сюда, нервно, как заведённый. Пальцы танцевали по экрану, прежде чем наконец остановились на клавиатуре.

Вторая рука вцепилась в волосы. Из груди вырвался тяжёлый вздох.

Как я дошёл до этого?

— ...Какой же я жалкий.

Пальцы застыли на секунду, а затем двинулись. Печатать было легко. Бездумно. Механически.

[Шин Джэхен? Это Кан Джун. Извини, что беспокою, можно попросить тебя об одолжении? Я, возможно, опоздаю завтра...]

Достаточно. Полумеры дают полурезультаты, но даже ноль лучше, чем минус.

Я швырнул телефон на стол. Оставалось только ждать.

Ответа не было.

Почему он не отвечает?

Я покусывал ноготь, глядя на экран, пока такси тряслось по дороге. Время в углу дисплея говорило: я почти на месте. Уже три перемены прошло. Почему он молчит?

«Может, он вообще не проверяет телефон?»

Я готов был взорваться. Вся эта затея с притворной болью в запястье и походом к врачу - просто зря потраченное время. Я слишком перестраховывался, думая о том, что скажет Ёхан. Я не какой-то там изменник, в конце концов.

— Чёрт, как же бесит.

Злость кипела не на Джэхена, а на себя. На то, что выбрал ненадёжный путь. Но раз уж всё сделано, назад не отмотать.

Я чуть приоткрыл окно, впуская ветер, и снова уставился в экран. Пальцы задвигались быстро, безразлично. Мне было наплевать на тон, я просто хотел ответа.

[Прости за второе сообщение, просто не получил ответа... У нас сегодня было домашнее задание?]

Коротко и ясно. Проигнорировать такое сложно. Я отправил и выключил экран, засунув телефон в карман. Ветер с улицы пах летом и приближающимся дождём, новое испытание висело в воздухе.

— Ты старшеклассник? — внезапно спросил водитель.

Я взглянул на его бейдж, затем в зеркало заднего вида, и наши глаза встретились на мгновение. Я отвёл взгляд, утопая в продавленном сиденье.

— Да.

Разговор иссяк.

Я расплатился и вышел у школы. Тишина. Уроки уже начались. В это время по коридорам шатаются только прогульщики.

Я, здоровый, как бык, теперь был одним из них.

Усмехнувшись собственному положению, я ухватился за перила и начал подниматься по лестнице. Между первым и вторым этажом я замер - на подоконнике, свесив ноги, сидел Ким Минхо.

— Эй, ты!

— А?

Он вздрогнул и поспешно отряхнулся, словно его застали за чем-то постыдным. Я подошёл ближе, заглянул в окно и увидел небольшую крышу над главным входом. Окурки валялись по углам и всё встало на свои места.

— Ты тут куришь?

— Настучишь, что ли?

— Нет.

Мне было плевать. Я покачал головой и пошёл дальше, слыша за спиной его бормотание. Но внутри шевельнулась странная жалость. Почему? Может, из-за того, что случилось в компьютерном классе.

— ...Не моё дело.

Униженный знает, каково это. Я был уверен, надпись сделал Ёхан. Они перебирали жертвы, как игрушки в автомате: на первом курсе один, на втором Хан Джун У, теперь я. Но я выжил. Значит, пришла очередь другого.

Я обернулся. Минхо всё сидел на карнизе, пряча руки в карманы и сверля меня взглядом.

— Чего уставился? Иди отсюда, или я тебя урою.

—

Я не должен был помогать. Не должен был вмешиваться. На первом курсе я молчал. На втором помогал, но только потому, что это было выгодно мне. А теперь...

— Пак Дончоль хуже, чем ты думаешь.

И всё. Ни слова больше. В этом мире, если помогаешь жертве, страдаешь сам. Моя жалость закончилась здесь.

Я покачал головой, удивляясь самому себе. Что со мной стало, Кан Джун?

— Увидимся.

Я не услышал ответа, только тишину за спиной.

В класс идти не хотелось. Я не хотел ловить на себе взгляды, извиняться перед учителем, садиться за парту и притворяться, что меня здесь всё устраивает. Вместо этого я прислонился к стене, слушая приглушённый голос преподавателя, и достал телефон.

Ответа от Джэхена не было. Зато горела пачка уведомлений и все от одного человека.

Я выключил экран, даже не прочитав. Сел на пол, прижал колени к груди и уткнулся в них лицом.

В кармане завибрировало. Вряд ли это Джэхен, он не из тех, кто пишет на уроках. Но надежда, глупая и упрямая, всё же шевельнулась в груди. А затем погасла.

[Эй, кажется, с моим телефоном проблемы]

Ёхан. Конечно.

[Твои сообщения не доходят]

Кап. Кап.

По стеклу забарабанили первые капли. Запах мокрой земли ворвался в коридор, небо потемнело.

Начался дождь.

Сезон дождей.

Самое трудное, что можно услышать от Ёхана, это «прости».

Чувствует ли он вину? Или просто не хочет признавать ошибки? Я не знаю, я никогда не был на его месте. Но я вижу его жизнь со стороны, как старый чёрно-белый фильм, и в этом фильме герои никогда не извиняются. Они несут оправдания, но не просят прощения. Потому что это слабость. Так думают те, у кого есть власть. И единственный раз, когда такие люди говорят «прости», это когда они уже упали.

Ёхан никогда не падал.

Он считает, что просто развлекается.

Я смотрел на его имя на экране и решал: ответить красиво, попытаться стать для него кем-то особенным? Нет. Нет. Думай о будущем. О жизни, в которой нет места ему и его играм.

Но в моём будущем нет места и тому, кем я стал.

Ёхан дарит Кан Джуну, который его терпит, странные подарки. Только в той мере, в какой это забавляет его самого. Он царапает собственные раны и наслаждается болью. Я не понимаю его. Как и он меня.

Я закрыл глаза. Что я выберу? Ответить, или нет?

Решение затягивалось. Я включал и выключал экран, пока батарея не начала мигать. А затем раздался звонок.

— Бегом!

— В атаку!

— Да что с ними не так?!

Снизу донёсся гул голодной толпы, спешащей в столовую. Здание содрогнулось, и у меня закружилась голова. Голос учителя из класса звучал торопливо, пытаюсь закончить лекцию поскорее.

— Хорошо, дети! Я быстро объясню последнее! Минута!

Баланс. Всё дело в балансе.

Я медленно выдохнул и начал массировать левое запястье правой ладонью. Там, где кожа всё ещё хранила тепло его прикосновений.

<http://bllate.org/book/12586/1704742>